

ОБЩЕСТВЕННАЯ НАБЛЮДАТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ

город Москва

по осуществлению общественного контроля за обеспечением прав человека в местах
принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах

принудительного содержания

Адрес: Москва, Лучников пер., д. 4, подъезд 3, комната 22

Факс: (495) 621-15-94

Председатель Комиссии: Борщев Валерий Васильевич 8-916-588-64-67

АКТ

О проверки членами ОНК Москвы ФБУ СИЗО-2 «Лефортово» по сообщениям о насильственных действиях в отношении арестованного РАЗВОЗЖАЕВА Л. М.

Дата: 23 октября 2012 года

Время проверки: с 13-30 до 20-00.

Состав комиссии:

Валерий Борщев, председатель ОНК

Любовь Волкова, заместитель председателя ОНК

Анна Каретникова, заместитель председателя ОНК

Зоя Светова, ответственный секретарь ОНК

Лидия Дубикова, член ОНК

В СИЗО «Лефортово» члены ОНК Москвы пришли к 13-30. Члены ОНК отмечают факт воспрепятствования посещению с первых минут посещения. На проходной дежурный охранник не принимал документы членов комиссии, говоря, что не знает, что это за комиссия и цель ее визита. А между тем Общественная наблюдательная комиссия работает уже пять лет и во всех СИЗО данные членов ОНК помещены на стендах всех учреждений, в соответствии с ФЗ-76 «Об общественном контроле по обеспечению прав человека в местах принудительного содержания». Закон дает право членам ОНК Москвы по мандатам и паспортам входить в любое учреждение Федеральной службы исполнения наказаний в Москве и в любой отдел полиции столицы без разрешения, а только по уведомлению. Когда через проходную прошел Уполномоченный по правам человека в РФ Владимир Петрович Лукин, который посещал Развозжаева Л. М., членов ОНК пропустили, но заместитель начальника СИЗО по оперативной части Зайцев Сергей Иванович сообщил, что Леонид Развозжаев и Константин Лебедев находятся на следственных действиях. Члены ОНК стали проводить проверку других заключенных СИЗО. Комиссии предоставили возможность проверить условия содержания и обеспечение прав человека всех заключенных, которые входили в план проверки, даже обвиняемых в самых страшных преступлениях: организатора бандформирований на Северном Кавказе Тазиева Али по кличке Магас, (обвиняемого в гибели десятков людей, в том числе и покушении на президента Ингушетии Евкурова), а также Владимира Квачкова, Александра Киселева, Дмитрия Барановского, Никиту Тихонова (переведенного из колонии пожизненного содержания в Харпе Ямало-Ненецкого округа, где он отбывает пожизненный срок за убийство адвоката Маркелова и журналистки «Новой газеты» Насти Бабуровой). Но встреча членов ОНК с Леонидом Развозжаевым и другим участником протестных акций Константином Лебедевым все откладывалась под предлогом следственных действий. Когда члены ОНК осмотрели то, что было намечено по программе осмотра на этот день, оставались только эти две встречи и комиссия стала ждать, когда приведут в камеры этих арестантов. В ожидании члены ОНК просидели в актовом зале изолятора 5 часов, и

все это время сотрудники отвечали, что их пока не привезли. Комиссия приняла решение ждать и сообщила сотрудникам, что не уйдут, пока не посетят Леонида Развозжаева и Константина Лебедева.

В 18-30 сообщили, что привели только что обвиняемых и провели в камеры. Однако в ходе беседы с заключенными выяснилось, что все это время их прятали в соседних камерах под предлогом замены розеток в камерах, что беседа Развозжаева со следователем длилась не более 20 минут, причем, еще до прихода Лукина, до 13-30 часов, по словам Развозжаева. То есть, с 13-30, со времени прихода членов ОНК в СИЗО, в нарушение ФЗ-76 «Об общественном контроле» сотрудники СИЗО препятствовали встрече членов ОНК с Леонидом Развозжаевым.

Его рассказ каждый из членов комиссии конспектировал, поскольку диктофоном пользоваться в СИЗО запрещено.

Условия содержания. В камере № 19, куда он помещен на время карантина (10 дней), две кровати. Размер камеры соответствует нормам. Жалоб на условия содержания Леонид Развозжаев не предъявлял. Сказал, что передач пока не было, но передача от жены уже стояла у двери камеры и ее передали при комиссии. На вопрос членов комиссии были ли пытки, он подтвердил, что пыток в СИЗО не было, но насилие в отношении него было при похищении

Его рассказа записан в присутствии сотрудников СИЗО «Лефортово».

На вопрос одного из членов ОНК: «То, что вы говорите, можно предать гласности?» Он ответил: «Да, конечно, для этого я все вам и рассказываю».

Вот его рассказ:

«Из России я уехал 15 октября. А уголовное дело против меня было возбуждено 16 октября. Я пришел в отделение ООН по беженцам, чтобы просить политического убежища, но я не скрывался от следствия. Меня похитили 18 октября в Киеве. Около 13 часов я вышел из ХИАСа (организация, которая занимается содействием в предоставлении политического убежища беженцам). Я успел увидеть, что у входа стоит микроавтобус с украинскими номерами. Рядом стояли четверо мужчин, один был без маски. Я бы смог его узнать, если бы снова увидел. Они затолкали меня в микроавтобус. Я сам занимался боксом, не боюсь физической боли, я сопротивлялся, но ребята очень здоровые и чуть повернешься, тебе как следует напощают. Надели мне на голову черную плотную шапку, чтобы я не мог ничего видеть, ноги и руки слепили скотчем. И мы поехали. На одежде, которую забрали у меня в СИЗО остались следы скотча. Я уже несколько раз просил, чтобы мою одежду не стирали, потому что это вещественное доказательство. В микроавтобусе вместе со мной было человека четыре. Я думаю, это были украинцы: они почти все время молчали. Мы доехали до границы и там меня пересадили в другой микроавтобус — прямо дверь в дверь — я не выходил на улицу.

Мы отъехали от границы и через полтора-два часа приехали на место. Ноги мне перемотали скотчем, надели наручники на руки и завели меня в подвал.

Двое суток меня не водили в туалет. Один из тех, кто там со мной был, издевался надо мной, спрашивая, не хожу ли я под себя. Все это время я ничего не ел и не пил.

Это был какой-то полуразрушенный частный дом. На руки мне надели наручники, скрепили их цепью с наручниками, которые надели на ноги. У меня под брюками была одета пижама (в Киеве было довольно холодно), и поэтому наручники одетые на брюки, а не на голое тело, не оставили следов на ногах. Также нет следов наручников и на руках. Я сидел в таком положении трое суток. Все допросы проходили в подвале. Я был в маске, в шапке без прорезей и мои похитители тоже были в масках. Мне кажется, что у меня даже было две маски тоненькая и толстая. Вот так я и сидел в скованном положении. Они говорили мне: если ты не ответишь на наши вопросы, то твои дети будут убиты. Основная цель — я должен был дать показания. Первые сутки они делали акцент на том, что я нахожусь на Украине и обо мне

никто не узнает. Они говорили, что меня нет в правовом поле и со мной может произойти все, что угодно. Мне говорили: «либо ты говоришь что-то интересное, либо не говоришь и тогда тебя уже нет. Мы знаем, что твоей дочке 8 лет, а сыну уже 16 лет и он на митинг ходил, мы знаем, где работает твоя жена, так что думай...»

Вопрос членов ОНК: Представлялись ли они?

«Они никак не представлялись. Несколько раз звучала фраза: «Ты перешел Рубикон, нам за то, что мы здесь, деньги платят». Они требовали, чтобы я что-то им рассказал. Когда я говорил им, что Удальцов не такой, как они хотят показать, и Навальный не такой, как они говорят, их это не устраивало. Я понял, что из Константина Лебедева (соратник Сергея Удальцова, также содержится в СИЗО «Лефортово», беседует со следователями и оперативниками без адвоката, обвиняется по статье 30, 212 УК РФ, ч.1 («приготовление к организации массовых беспорядков» — прим. ОНК) хотят сделать главного обвиняемого.

Когда я заходил в тупик и не соглашался говорить то, что они хотели от меня услышать, они говорили, что сделают мне укол «сыворотки правды». Они сказали, что после этого укола я все расскажу, но могу остаться дураком на всю жизнь и даже принесли мне таз, если вдруг после укола я буду блевать. Я подумал, что даже, если они берут меня на понт, то все—таки лучше не рисковать, потому что это не шутки. И согласился сказать то, что они хотели.

Вот так продолжалось около полутора суток. Потом приехал человек. Он не представился. Но мне показалось, что он — этаким аналитик, который очень хорошо ориентируется в проблеме, знает имена всех. Он спрашивал меня о создании левой партии, о том, способны ли мы работать в легальном поле. Потом говорил о сотрудничестве с западными спецслужбами. И я был вынужден это сказать в явке с повинной, хотя это неправда, потому что я бы иначе оттуда не вышел. Мне открыли левый глаз (приподняли шапку), дали бумагу, и я в наручниках написал явку с повинной. Там было о том, что я работаю с иностранными спецслужбами. Я заметил, что там, где я сидел, на стене было какое-то черное полотно. Самым страшным было то, когда мне говорили, что мою жену и моих детей могут убить.

Все эти три дня я не спал и не ел. Те, кто со мной работали, менялись. Ждали, что приедет какой-то человек, которого называли «главным». Он приехал, просмотрел мой текст. Два часа отсутствовал, потом приехал и мы записали видеообращение. Я читал видеообращение в наручниках. Потом мне дали бутерброд. Впервые за эти два дня я смог поспать, все также со связанными руками и ногами. Чуть прикорнул. Ноги в носках были очень холодными, мозги не работали. Я говорил им, что мы куда-то ездили, что обсуждали проведение акций протеста, а они говорили мне: лучше напиши про взрывы железных дорог. Я немного отстоял свое право написать не о взрывах, а о перекрытии дорог. В целом все, что я написал в этой так называемой явке с повинной, было написано под давлением. Я действительно был в Минске, но не с теми людьми, о которых я там написал. Я был в Курске, Воронеже, но не с теми целями, о которых я в явке с повинной сказал. После того, как мы записали мою явку с повинной, мы поехали в Москву. Ехали 4-5 часов, так что я думаю, что подвал в частном доме находится где-то в Брянской области. Когда мы приехали в Москву, договорились, что я позвоню в Следственный комитет следователю Габдуллину. Они дали мне телефон, я позвонил, но следователя не было на месте. Меня попросили перезвонить через десять минут. Через десять минут следователю позвонил кто-то из охраняющих меня. Мы приехали в Измайловский парк. Я сидел в микроавтобусе, а они вышли и минут десять разговаривали со следователем и передали ему мою явку с повинной. Потом меня пересадили в машину к следователю — это был то ли «Мерседес», то ли БМВ. То есть, понимаете, я не сам пришел в следственный комитет, люди, которые меня похитили, передали меня следователю! Из рук в руки! Потом мы приехали в Следственный комитет. Мне предъявили какое-то обвинение. Я сразу сказал, что мне нужен адвокат. Я сказал, что хочу Дмитрия Аграновского или Виолетту Волкову. Следователь сказал, что мне назначат государственного адвоката по фамилии Квасов. Он-то и был у меня на суде по мере пресечения. Басманный суд 21 октября вынес решение о моем аресте в присутствии этого адвоката.

Теперь когда я говорю, что я отказываюсь от явки с повинной, помощник следователя говорит мне: «Как же так ! У вас ведь была договоренность». Мне срочно нужен адвокат. Адвоката

Виолетту Волкову следователь ко мне не пускает под тем предлогом, что она уже ведет дела других подследственных по этому делу. Я хочу письменно отказаться от явки с повинной. Я хочу написать заявление о моем похищении. Для этого мне нужен адвокат. Пусть придет адвокат Марк Фейгин или Дмитрий Аграновский. Я должен находиться под защитой международной структуры. Сегодня утром я написал заявление о том, что объявляю голодовку, начальник СИЗО пришел ко мне и сказал, что не надо этого делать. Тогда я решил не голодать. Мне страшно в одиночной камере. Прошлую ночь я не мог спать. Боялся, что они снова придут ко мне сюда. Кто они? Те люди, которые меня похитили и пытали...

Мы, члены ОНК, заверили Леонида Развозжаева, что здесь в СИЗО он в безопасности, что ситуация под контролем.

В самом начале беседы мы отметили, что речь заключенного заторможена, сам он выглядел подавленным, чрезмерно усталым.

При внешнем визуальном осмотре мы увидели крупное красное пятно на костяшке указательного пальца руки, Леонид считает, что это реакция на грязь и пыль в подвале дома, где его держали похитители.

Мы также выяснили, где находился Леонид с 13-30 до 18-30, пока члены комиссии ждали.

Он ответил, что в соседней камере, куда его перевели в связи с ремонтом розетки в его камере. Следственных действий в это время не проводилось.

Леонид Развозжаев обратился к ОНК с просьбой:

- содействовать о предоставлении ему адвоката Фегина или Аграновского с тем, чтобы официально оформить отказ от показаний, данных под давлением похитителей.
- Содействовать в организации официальной подачи заявления о похищении.
- Содействовать в том, чтобы не были уничтожены вещественные доказательства по обстоятельствам его похищения, в частности, чтобы его личная одежда, в которой его пытали, не была подвергнута чистке.
- Содействовать в организации помощи психолога.

Была также предоставлена возможность посещения Константина Лебедева. Но в ходе беседы с ним жалоб он не высказал, в помощи членов ОНК он не нуждался (на момент посещения).

Валерий Борщев, председатель ОНК

Любовь Волкова, заместитель председателя ОНК

Анна Каретникова, заместитель председателя ОНК

Зоя Светова, ответственный секретарь ОНК

Лидия Дубикова, член ОНК

Дата: 24 ноября 2012 года